

УДК 94(474.3)

## ДАУГАВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЛАТЫШЕЙ (20–30-е годы XX в.)

**Т. КУЗНЕЦОВА**  
Даугавпилсский университет

*На основе анализа исторических преданий латышей выявлены существующие в исторической памяти представления о Даугаве. Они характеризуются тем, что данная река представляется осью, структурирующей социально-природное пространство, и потому обладает интегративным потенциалом. Однако в исторических преданиях Даугава – это прежде всего река разделения с весьма слабо реализованными возможностями объединения страны и людей.*

**Ключевые слова:** историческая память, исторические предания, Даугава, представления, функция пространства.

Любая человеческая общность формируется в определенной географической среде, испытывая ее влияние во всех сферах своей жизнедеятельности, но и осознавая как себя в ней, так и функции этой среды, отдельных ее частей в «организации» социально-природного целого.<sup>1</sup> Пространство и его компоненты могут представляться и осмысляться как начало, интегрирующее или дезинтегрирующее социальную общность, причем в разной степени и на различной основе. Такой сегмент природного пространства, как река, по сути своей амбивалентен, ибо она может как соединять, так и разделять, размыкать и замыкать пространство, становясь труднопреодолимым или непреодолимым препятствием в возможном разнообразном по формам и характеру общения человеческих групп. Выделение наличных и формируемых представлений латышей о крупнейшей реке Латвии – Даугавы – и составляет цель данной работы.<sup>2</sup>

Представления о тех или иных природных объектах, отражающие их социальную значимость, благодаря передаче во времени, становятся содержанием исторической памяти. Историческая же память может быть определена как память о прошлом значительной людской общности, которая создается и скрепляется ею, являясь внутренним планом консолидации социума. Основные категории исторической памяти – это пространство, т.е. территория, освоенная / осваиваемая этой людской общностью, «мы» – носители исторической памяти или, по словам П. Рикёра, «хранящие верность прошлому» [1, с. 686], и «они» – другие, встреча с которыми содействует осознанию «нас» и «нашего». Поэтому историческая память насыщена топонимами и этнонимами.

Определение частотности и контекстов упоминания топонимов дает возможность выявить представления о роли того или иного природного объекта в жизни людей, обитающего в данном пространстве, и о его коммуникативном потенциале.

Историческая память как наличная, так и формируемая, приобретает особое значение в периоды кризисные<sup>3</sup>, в том числе в периоды создания государственности, когда существеннейшими проблемами становятся проблема адаптации человека к новым политическим условиям жизни и, соответственно, проблема воспитания «нового человека» – гражданина, равно как и проблема консолидации формирующегося общества в самостоятельном государственном образовании. Репрезентации исторической памяти могут быть весьма многообразны и множественны, мы же остановимся в данной работе как на текстах, в которых были выражены наличные представления о Даугаве, так и на текстах, формировавших эти представления. К первым относятся исторические сказания латышей, которые систематически записывались с последней четверти XIX в. [2, с. 6]. В результате была собрана коллекция, состоящая из более чем

<sup>1</sup> Восприятию географического пространства, в различные исторические эпохи и в различных регионах, различным его измерениям сегодня уделяется повышенное внимание. Например: Proceedings of the 20<sup>th</sup> session of PECSRL – Permanent European Conference for the Study of Rural Landscape: Living in Landscapes: Knowledge. Practice. Imagination // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A Daļa. – 2012. – N.3.; Замятин, Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. – М.: Знак, 2006. и др.

<sup>2</sup> Следует отметить, что Даугава не обделена вниманием исследователей. Так, например, Я. Курсите утверждает, что для латышей главной священной рекой была Даугава. – см.: Kursīte, J. Mītiskais folklorā, literatūrā, mākslā. – Rīga: Zinātne, 1999. – 93 lpp. Однако, сформулированное как аксиома, это суждение не представляется убедительным.

<sup>3</sup> Косвенное подтверждение тому – возрастающий поток исследований, посвященных различным аспектам памяти. См., например: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004; История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. – М.: Круг, 2006; Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М.: Изд-во гуманитарной лит., 2004; Россия и Балтия. – М.: Наука, 2015. – Вып. 7. Памятные даты и историческая память; Rites of Place: Public Commemoration in Russia and Eastern Europe, Eds. J. Buckle, E. D. Jonson-Evanston: Northwestern University Press, 2013 и др.

57 000 преданий, коя храніцца в фондах аддзела фальклора Інстытута мовы і літаратуры Акадэміі навук Латвіі [2, с. 6]. Для настоящей статьи были использованы опубликованные в 1988 г. издательством «Наука» исторические предания латышского народа (826 текстов), большей частью прежде не издававшиеся.<sup>4</sup>

К текстам же, намеренно и целенаправленно формировавшим определенное отношение к Даугаве, могут быть отнесены так называемые «дары правительства» – сборники разножанровых произведений, адресованные выпускникам различного уровня школ и заканчивающим обязательную военную службу. Они издавались с 1936 г. Отделом учебной литературы Министерства образования и никогда не поступали в свободную продажу. В силу своего предназначения эти тексты, публикация которых отличалась значительной степенью повторяемости – как авторов, так и конкретных сочинений – задавали своим читателям парадигму мироотношения.

Из 826 текстов исторических преданий латышей 38 сказаний, записанные в 20-30-е годы XX в., содержат упоминание Даугавы. Причем частотность их, сравнительно с номинациями других рек, является наиболее высокой. Так, 84 раза встречается имя Даугавы в исторических преданиях, тогда как, например, среди рек Латвии Вента упоминается 10 раз, Гауя и Абава – по 8 раз [3]. Высокая степень частотности упоминания данной реки в избранном для анализа источнике свидетельствует об объективно интегративной роли Даугавы в жизни людей, обитавших в ее ареале. И это соответствует физическому положению реки на территории Латвии, ибо она – крупнейшая река Латвии (1000 км), которая начинается в России, а в Латвии находится больше, чем ее третья часть (367 км) [4, с. 16]. О коммуникативной значимости этой реки говорит и тот факт, что она упоминается в исторических преданиях, собранных и записанных в местах, весьма удаленных от Даугавы – например, в Валке, Валмиере, Мадоне, Ругаях, Вентспилсе, Тукумсе. На объективно интегрирующую функцию Даугавы в социально-природном пространстве Латвии указывают и различные, неоднозначные по своим смыслам контексты упоминания данной реки в исторических сказаниях. При этом обнаруживается некоторое несовпадение между объективным интегративным потенциалом реки и субъективным ее восприятием.

Прежде всего, отметим контекст топографической специфики, который акцентирует реку как природное явление – стихийное изменчивое и потому имеющее значительные как природные, так и социальные последствия, как-то: появление болота вместо ушедшего русла реки [3, с. 55, 82, 114], исчезновение судоходства (3, с. 55), гибель города – Старой Риги – в результате наводнения [3, с. 82]. Могучая сила реки подчеркивается упоминанием в преданиях «волн», в которые «мрачно смотрели остатки замковых стен» (2, с. 165) или в которые бросались женщины из окон захваченного врагами замка [3, с. 342]. Эта неустойчивость, подвижность реки, губительное вмешательство в жизнь людей превращают ее по отношению к человеку сорванного субъекта, что особенно ярко проявляется в преданиях, связанных с Ригой. Так, в сказании, записанном в Риге в 1938 г. (подобное же было записано и в Баускской волости в 1935 г. [3, с. 396]), рассказывается о том, что в новогоднюю ночь или даже в каждую полночь, из глубин Даугавы раздается голос, спрашивающий, «готова ли Рига». И если кто-нибудь скажет в ответ: «Да, готова», то Рига со всеми своими жителями уйдет под воду [3, с. 396]. Таким образом, Даугава предстает вместилищем смерти, воплощением неизбывной потенциальной угрозы существованию, возможностью завершения как индивидуальной, так и коллективной человеческой жизни.<sup>5</sup>

Второй контекст упоминания Даугавы в исторических сказаниях латышей составляет строительство и наличие замков с тайными погребками и ходами, необходимыми для хранения богатств. В данном контексте река, во-первых, позиционируется как средство сохранения тайны, как могила, дающая возможность, например, рыцарю-строителю Айзкраукльского замка скрыть место расположения устроенных в замке погреба и подземных пещер. С этой целью он умерщвляет мастеров, строящих замок, и бросает их трупы в реку [3, с. 114] (записано в Яунелгаве в 1929 г.). Во-вторых, Даугава предстает местом встречи с Чертом, т.е. границей между «нашим», обустроенным пространством, и другим, которому этой обустроенности, «технической оснащенности» не хватает, ибо, согласно преданию, Черт не мог самостоятельно перебраться на другой берег реки [3, с. 115]. Так, в 1930 г. в Слоке была записана легенда об эпизоде, случившемся недалеко от Айзкраукле: Бедный лодочник перевез с другого берега реки изысканного господина, одетого в черное, и за это был им вознагражден. Перевезенный господин открыл дверь замкового погреба и позволил лодочнику взять деньги из двух стоящих там ящиков и брать всегда, когда ему будет необходимо, но никому при этом ничего не рассказывать [3, с. 115–116].

<sup>4</sup> Отметим, что сам факт публикации подобных эпифаний исторической памяти актуализирует, закрепляет ее и транслирует во времени.

<sup>5</sup> Похожим смыслом наделена Даугава и в латышских народных песнях. См., например, [5, с. 413] «Ogre pilna akmentiņi, Daugaviņa dvēselīšu» / «Огре полна камешков, Даугава – душ» (перевод – Т. К.). Отметим, что адекватно перевести на русский язык уменьшительно-ласкательные формы «Daugaviņa» и «dvēselīte» не представляется возможным.

Отметим, что Черт отнюдь не является воплощением абсолютного зла, он не лишен чувства благодарности, материально выражаемой, он строит строго договорные отношения с лицом, оказавшим ему помощь в переправе на другую сторону Даугавы. Черт в рассматриваемых преданиях фигурирует как неоднозначный в своих проявлениях персонаж: он помогает бедным и чинит препятствия богатым в их начинаниях. Например, он мешает строить замок. Так и возникает конфликт между Чертом и бароном, замыслившим строительство Крустпилсского замка. Каждую ночь, согласно преданию, записанному в Крустпилсе в 1934 г., Черт разбирает построенные днем стены замка, и камни бросал в Даугаву, отчего в реке образовался остров (3, с. 148).

Таким образом, Даугава, упоминаемая в данном контексте, являет собою ось, структурирующую пространство, и потому размыкающую его, делающую его открытым и наполненным динамикой, ибо изменяется материальное положение человека, живущего у реки, преобразуется природный ландшафт, становясь в результате строительства замка природно-предметным.

Третий, весьма часто встречаемый контекст, в котором упоминается Даугава, – это контекст военных действий, в коем река предстает местом встречи с врагами, причем грани этой встречи могут быть различны. Так, во-первых, Даугава является значимым препятствием на пути продвижения не только врагов, но и тех, кто противостоит им [3, с. 227, 324, 331]; во-вторых, ее берег есть место собрания жителей для обсуждения вопроса борьбы с неприятелем. Например, в сказании, записанном в Ливанах в 1926 г., говорится о том, что собрание происходило у берега Даугавы на небольшом холме, где «вождь созвал всех местных жителей на общее собрание, чтобы обсудить, как защищаться от нападения врагов» [3, с. 314-315]. В-третьих, река предстает как место завершения жизни, добровольного погребения женщин в условиях поражения мужчин, не сумевших отстоять замок [3, с. 342, 344]. Как сообщает легенда, записанная в 1939 г. в Вирцаве Елгавского уезда, когда «враг захватил Кокнесский замок и поджег его, женщины бросались из окон (замка) в волны Даугавы» [3, с. 342].

Еще один значимый контекст упоминания Даугавы представлен ситуацией встречи с чужими, в которой Даугава выступает рекой «отмыкающей» внутреннее пространство страны, путем проникновения чужих в ее глубь. Так, в сказаниях, записанных в Елгаве в 1932 г. и в Старой Риге в 1936 г., говорится: «когда немцы въехали в Даугаву и стали торговать с ливами, у них не было ни одного сарая, куда товары положить» [3, с. 390] или, например, «чужаки вторглись в Даугаву» [3, с. 392].

Таким образом, в исторических преданиях Даугава представляется рекой, обнажающей «свое» и «чужое», т.е. структурирующей социально-природное пространство и в силу этого обладающей интегративным потенциалом, хотя, весьма слабо выраженным и реализуемым благодаря присутствию врагов.

Заметная в исторических преданиях малая освоенность реки и потому некоторая ее чуждость проявляется в ряде текстов, опубликованных в «дарах правительства» с явным намерением содействовать социально-исторической консолидации Латвии. Так, например, очерки Я. Лапиньша «Skaistā Latvija» / «Прекрасная Латвия»<sup>6</sup> (1937) [6, с. 431–438] содержит призыв, обращенный к каждому жителю страны, использовать свое свободное время для путешествий по рекам Латвии и обязательно посетить такие реки как Даугава, Гауя, Лиелупе, Вента. При этом описание Даугавы своей нейтральностью позиции автора резко отличается от описания Гауи. О первой реке сообщается, что в своей верхней части, около Краславы, Даугава имеет довольно высокие берега, застроенные крестьянскими домами, порогов здесь еще нет, поэтому по реке ходят небольшие суда [6, с. 434]. Гауя же именуется «красоткой Латвии, стремительной, изменчивой и капризной, как красивая женщина» [6, с. 435].

Однако лейтмотивом текстов, прозаических и поэтических, содержащих упоминание Даугавы, является позиционирование этой реки в качестве оси социально-природного пространства Латвии, ее системообразующего начала и, соответственно, выпячивание интегрирующей функции Даугавы. Этому соответствует отсутствие в произведениях, включенных в «дары правительства» и упоминающих данную реку, некоторых контекстов, имевших место быть в исторических преданиях. К таким «фигурам умолчания» относятся контексты топографической специфики, строительства замков, повторяющиеся же контексты (военных действий и встречи с чужими) отличаются смысловыми нюансами.

Интегрирующая функция Даугавы, подчеркнутая в текстах, адресованных юношеской аудитории, имеет два аспекта. Первый сопряжен с духовной консолидацией человека, воспитанием его характера, правда, речь идет только о латыше, точнее – о латышском крестьянине. Так, в двух «дарах правительства», опубликованных в 1936 г. [7, с. 158–160; 8, с. 101–102], помещено стихотворение П. Айгарса «Latviešu zemnieks» / «Латышский крестьянин», в котором вора Даугавы, преодолевающие пороги, предстают образцом жизнестойкости для латышского крестьянина.

Второй же аспект интегрирующей функции связан с консолидацией территории и социума, причем основой ее предстает постоянная угроза, исходящая от внешних врагов, на что указывают такие кон-

<sup>6</sup> Отметим, что в способности восхищаться лишь привычными, хорошо известными вещами проявляется внутренняя закрытость человека, формализующая общение людей и тем самым затрудняющая консолидацию общества.

тексты упоминания Даугавы, как встреча с чужими и военные действия. При этом о реке говорится как о неизбежном предмете вождения «чужих народов». К примеру, в очерке Ф. Балодиса «Kādē] mums mīļa latviešu zeme» / «Почему нам мила латышская земля», опубликованном в «дарах правительства» 1936 и 1937 гг. [8, с. 25–30; 6, с. 442–447], на первой же странице заявлено, что «... всегда были притязующие на нашу землю, берега Даугавы: немцы, поляки, шведы и русские – все они хотели быть господами на нашей земле» [8, с. 25]. Данное утверждение с дополнительными нюансами будет повторено в этом же очерке: «..., как часто уже в эти первые 12 столетий после [рождения] Христа другие, чужие народы домогались наших портов, нашей Даугавы и вместе с тем всей нашей земли» [8, с. 29]. Характеристика Даугавы как «нашей» (подчеркнуто нами – Т.К.) задает представление о реке, формирующей «нас» – людскую общность, которая состоит только из различий, на что указывает само название очерка Ф. Балодиса. Отсюда же следует, что данный социум конституируется принадлежностью ему определенного природного пространства. Интегративный потенциал Даугавы (причем, представленный в тексте как реализованный) подчеркивается и тем, что эта река, коей «мы» обладаем, приравнивается ко «всей нашей земле». Таким образом, Даугава манифестируется в качестве оси, которая «держит всю нашу страну». И именно поэтому на берегах Даугавы, как отмечает Ф. Балодис, «... лили свою кровь лучшие сыны латышского народа в мировой войне и борьбе за свободу» [8, с. 29]. Подобный мотив обнаруживается и в стихотворении К. Скалбе «Krišs Dzelzgalvis» / «Кришс Железноголовый» [8, с. 161–164], опубликованном в сборнике 1936 г., и в поэтических текстах Э. Вирзы «18. novembris 1918 gadā» [12, с. 185] и А. Балтпурвиньша «Pie likteņupes» / «У реки судьбы» [13, с. 240], входящих в состав «даров правительства» этого же года выпускникам основных школ. В результате сформировалось представление о Даугаве как о судьбоносном сегменте социально-природного пространства.

В указанном контексте встречи с чужими, пересекающемся с контекстом военных действий, выявляется смысл, отсутствовавший в исторических преданиях. Если в них Даугава «приводила» чужих в глубь страны, то в текстах, формирующих историческую память, она «уносит врагов», коими, как, например, в стихотворении Я. Акуратерса «Pie Daugavas saule mums lēca» / У «Даугавы солнце восходило для нас» (14, с. 241), являются рыцари. Однако, как в наличной, так и в формируемой исторической памяти латышей, основанием интегративного потенциала Даугавы является наличие чужаков (врагов), вожделяющих «нашу землю», и «наша кровопролитная борьба» за нее.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикер. – М. : Изд-во гуманитарной лит., 2004. – 728 с.
2. Ancelāne, A. Ievadam / A. Ancelāne // Latviešu tautas teikas: Vēsturiskās teikas. – 1988. – № 5. – 19. lpp.
3. Latviešu tautas teikas: Vēsturiskās teikas. – Rīga : Zinātne, 1988. – 462. lpp.
4. Adamovičs, Fr. Īss pārskats par Latvijas ģeogrāfiju / Fr. Adamovičs // Latvieši. – 2003. – № 9. – 27. lpp. [1936].
5. Latviešu tautasdziesmas. 3. sējums. – Rīga : Zinātne, 1981. – 528. lpp.
6. Lapiņš, J. Skaistā Latvija / J. Lapiņš // Grīns, A. un Zālītis, A. / Tēvzemei un brīvībai. – Rīga, 1937. – 431–438. lpp.
7. Pumpītis, J. Par Latviju / J. Pumpītis un J. Broka. – Rīga : [Bez, izd.], 1936. – 256. lpp.
8. Zālītis, A. Mana tēvu zeme / A. Zālītis. – Rīga, 1936. – 447. lpp.
9. Aigars, P. Latviešu zemnieks / P. Aigars // 7, 158 – 160. lpp.
10. Balodis, Fr. Kādē] mums mīļa Latviešu zeme / Fr. Balodis // 7, 25–30. lpp.
11. Skalbe, K. Krišs Dzelzgalvis / K. Skalbe // 7, с. 161–164.
12. Virza, E. 18. novembris 1918. gadā / E. Virza // 7, 185. lpp.
13. Baltpurviņš, K. Pie «Likteņupes» / K. Baltpurviņš // 7, 240. lpp.
14. Akurāters, J. Daugavas saule mums lēca / J. Akurāters // 7, 241. lpp.

#### DAUGAVA IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE LATVIANS (the 20–30s of the XX century)

T. KUZNETSOVA

*The concept of Daugava in the historical memory of Latvians is revealed in this paper. On the analysis of the historical tales and texts formed the historical memory of the Latvians some ideas of Daugava are defined in the investigation. There are – Daugava is an axis that structured the social natural space, – Daugava has potentiality of integration but it is realized weak, – Daugava is the river that more divide than unite the land and the people.*

**Keywords:** historical memory, historical tales, Daugava, notions, space function.